

УДК 330.1

Факторы институционализации социально-экономической мобильности населения России

Меланьина Мария Вячеславовна

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры политической экономии,
Российский университет дружбы народов,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: mari-cher@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрены ключевые факторы процесса институционализации социально-экономической мобильности населения, определяемые типами и каналами социальной мобильности, а также восприятием этих факторов в общественном сознании как движущих стимулов и мотивов изменения статусного положения индивида. Дан анализ исследований социальной структуры российского общества в ретроспективе (с конца 60-х гг. XIX столетия до наших дней). Рассмотрена роль общественного мнения как фактора институционализации социальной мобильности.

Ключевые слова

Экономическая трансформация, экономическое развитие, социально-экономическая мобильность, вертикальная мобильность, институционализация, средний класс.

Введение

Трансформационные процессы в российской экономике спровоци-

ровали значительные изменения социальной структуры общества и обострили противоречивость процесса рыночной институционализации со-

циальной мобильности населения. Это проявилось в том, что с одной стороны – увеличился спрос на квалифицированную рабочую силу в локально-территориальных «точках роста» экономики, а с другой – возрос круг факторов, усиливающих неопределенность перспектив профессионального и социального статуса работников в целом. В результате наметились негативные тенденции в российском социально-экономическом пространстве, на региональных рынках труда и связанных с ними процессах социальной мобильности различного по уровню образования и квалификации человеческого потенциала страны.

В этой связи необходимо изучение факторов институционализации социальной мобильности для определения механизмов, способствующих сбалансированному развитию общества.

Факторы процесса институционализации социально-экономической мобильности населения в современных условиях определяются: во-первых, типами социальной мобильности; во-вторых, каналами социальной мобильности; в-третьих, восприятием этих факторов в общественном сознании как движущих стимулов и мотивов изменения статусного положения индивида.

Роль типов и каналов социальной мобильности

Типы социальной мобильности выделил и описал Сорокин П.А. в своем труде «Социальная мобильность»¹:

1. Горизонтальная социальная мобильность – это перемещение индивида (или группы) внутри одного социального слоя без изменения социального статуса. Например, изменение профессии, места жительства и др.

2. Вертикальная социальная мобильность – это перемещение индивида (или группы) внутри стратификационной структуры с изменением своего социального статуса. В зависимости от направления перемещения выделяют восходящие и нисходящие потоки.

Наибольший интерес представляет восходящая социальная мобильность, которая сопровождается повышением социального статуса, т.е. продвижением вверх в стратификационной структуре общества. Этому способствуют каналы социальной мобильности, под которыми понима-

1 Сорокин П.А. Социальная мобильность / пер. с англ. М.В. Соколовой. – М.: Academia, LVS, 2005. – 588 с.

ются социальные институты, попадая в сферу действия которых индивиды и целые группы совершают гарантированное (до определенной степени) восхождение по социальной лестнице². К ним относятся: семья, образование, экономические и политические организации, армия, церковь. При этом действуют они не изолированно, а в сочетании друг с другом. Безусловно, что интенсивность и способ функционирования каналов социальной мобильности – важный показатель здоровья «социального организма».

Доступность каналов социальной мобильности зависит не только от индивида, но и от структуры общества, в котором он живет. Современные общества предоставляют своим членам возможность свободного передвижения по социальной лестнице, в зависимости от индивидуальных способностей. Хотя существуют определенные социальные группы, доступ в которые затруднен в силу их замкнутости и барьеров, создаваемых на пути представителей других социальных групп. Также пути достижения высшего статуса могут быть закрыты в связи с этнической или социально-классовой дискриминацией, либо в

силу того, что индивид из-за индивидуальных особенностей просто не способен применить свои таланты.

Наиболее быстрым и доступным каналом социальной мобильности является образование, которое дает возможность получения высокооплачиваемой профессии и быстрого продвижения по социальной лестнице (при прочих благоприятных условиях). Причем прохождение его обязательно для продвижения по любой шкале социальной иерархии.

Изучению динамики и интенсивности процессов социальной мобильности населения посвящено большое количество работ отечественных и зарубежных ученых, которые включают широкий круг исследований демографических и социально-экономических проблем, политических отношений, развития разнообразных форм экономики.

Анализ классовой структуры и социальной стратификации в российских дореволюционных, советских и постсоветских исследованиях интересен в нескольких отношениях.

В дореволюционной России с конца 60-х гг. XIX столетия и до 1917 года проблематика классов и сословий, социальное расслоение общества представляли наибольший интерес.

2 Фролов С.С. Общая социология: Учебник. – М.: Проспект, 2011. – 384 с.

Это обусловлено возросшим влиянием социал-демократов, марксистов, поскольку в теории Маркса именно классовая борьба является движущей силой истории. В полемике с марксистской теорией выделялись и другие направления, в центре внимания которых были проблемы положения рабочего класса, связанные с распадом сельской общины в годы столыпинских реформ.

В первые годы советской власти объективные исследования социальной структуры общества и классового расслоения становятся практически невозможными, из-за того, что острые идеологические столкновения позже приводят к репрессиям под лозунгом «обострения классовой борьбы в ходе строительства социализма», а социология объявляется «буржуазной наукой».

В 1960-е гг. (в период «хрущевской оттепели») делаются попытки возобновить исследования в данной области, но жесткий идеологический контроль предписывал существование четкой социальной структуры советского общества, в котором выделялось два класса (рабочие и крестьяне) и прослойка интеллигенции. Со временем эти установки стали расшатываться, т.к. результаты эмпирических

исследований не вмещались в их рамки³.

Объективное исследование социальной стратификации без идеологического давления начинается в период гласности и перестройки экономики в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века. Но начавшиеся позже рыночные реформы, выдвинули ряд специфических для России проблем, вследствие чего возникла необходимость расширения и доработки классических теорий для объяснения происходящих процессов.

Кардинальные преобразования экономики, появление новых форм собственности неизбежно повлекли за собой изменения и в социальной структуре. Изменилась общественная форма всех социальных институтов – экономических, политических, культурных, собственности и власти. Произошел глубокий общественный переворот и преобразование тех социальных основ и регуляторов, которые формируют социальную структуру. Появились новые слои, социоструктурные образования: предприниматели, менеджеры, фермеры, наемные ра-

3 Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Социальная структура общества: в поисках адекватных ответов // СоцИС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.isras.ru/socis_2008_7.html

ботники, безработные и др. На первый план выдвинулись проблемы социального и имущественного неравенства с элементами классовых противоречий и конфликтов. Возникла проблема поиска теории, адекватно объясняющей происходящую трансформацию социальной структуры российского общества.

С конца 90-х гг. прошлого столетия многие исследователи особое внимание стали уделять критерию власти в социальной стратификации, поскольку в России он приобрел особое влияние⁴. Тот, кто имел и имеет власть, имеет и доступ к привилегиям, к богатству и престижу. Также повысился интерес к исследованию элит в российском обществе (В.Шубкин, Ю.Левада)⁵. В настоящее время активным изучением общественного мнения по данному направлению и

широкому кругу смежных вопросов занимается Левада-Центр⁶.

Роль общественного мнения

Факторы социально-экономической мобильности, институционализируются не только через традиционные каналы движения индивидов в обществе (образование, армия, власть и т.д.), но и закрепляются в приоритетности того или иного фактора в общественном сознании, в свою очередь отражающимся в общественном мнении. Общественное мнение – это совокупность многих индивидуальных мнений по конкретному вопросу. Оно выражает не всю совокупность идей, взглядов, чувств, а только те, которые вследствие своей актуализации выдвинулись в данный момент на первый план и стали занимать доминирующее положение в жизни общества⁷.

Общественное мнение – оценочное суждение, единство знания и оценки по вопросам, жизненно важным для экономического субъекта.

4 Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация: Учеб. пособие. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 318 с.

5 Шубкин В.Н. Властвующие элиты Сибири // Социологический журнал. – 1995. – № 1. – С. 147-155; Левада Ю.А. Элита и «масса» в общественном мнении: проблема социальной элиты // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. Информационный бюллетень. – 1994. – № 6. – С. 7-11.

6 Левада-Центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.levada.ru

7 Горшков М.К. Общественное мнение: История и современность. – М.: Политиздат, 1988. – 383 с.

Практически оценка действий общественностью представляет собой неосознанный процесс, менее точный и слабо структурированный, испытывающий влияние эмоций. Мультиатрибутивная характеристика факторов социальной мобильности показывает, что отношение индивидов к социальной мобильности состоит из трех компонентов:

– когнитивного (знания о самих факторах и каналах социальной мобильности);

– аффективного (чувства и эмоциональные реакции индивидов по отношению к изменению их социального статуса и т.п.);

– конативного (поведенческие намерения, детерминированные ценностями в группе индивидов, относительно различных решений представителей целевых групп индивидов; склонность реагировать определенным образом на компанию и все, что связано с ней).

В результате факторы социальной мобильности, отражаясь в общественном мнении, образуют сложный аналитический индикатор социальной самоидентификации, который показывает неровную картину динамики в различных своих измерениях в рамках когнитивного, аффективного и ко-

нативного аспектов. Так, в 2002-2006 гг. было проведено исследование социальной самоидентификации россиян относительно основных факторов мобильности (таких как образование, профессия, квалификация, наличие нужных связей и работы, размера заработной платы, политической власти и др.)⁸. Результаты показали, что возросли значения самооценок респондентов места в обществе таких факторов как образование, нужные связи и работа, уровень доходов и размер зарплаты. Уменьшились значения самооценок респондентов по признакам профессии, квалификации, политического фактора. Отметим, что в этом распределении есть определенная закономерность, проявляющаяся в том, что с одной стороны – повысились самооценка фактора образования, а с другой – снизились самооценка характеризующие конкурентные стороны факторов социальной мобильности. В целом значение всех факторов в общественном мнении незначительно увеличилось, что свидетельствует о возросшей, но не достаточной оценке факторов социальной мобильности в общественном мнении россиян.

⁸ Левашов В.К. Гражданское общество в современной России (социологические измерения). – М.: ИСПИ РАН, 2006. – 52 с.

В целом можно констатировать, что россияне в большей степени доверяют неформальным факторам социальной мобильности, чем формальным, что говорит о недостаточном уровне адаптивных возможностей населения к изменяющимся условиям и выбору соответствующих направлений и факторов социальной мобильности в гражданском обществе.

Что касается самоидентификации россиян относительно своей принадлежности к какому-либо слою, то по результатам исследований Левада-Центра⁹, опубликованных в январе 2012 года, большинство россиян, несмотря на сравнительно низкие доходы, относят себя к среднему классу (85%), в том числе: к низшей части среднего слоя 33%, средней части среднего слоя 47%, к высшей части среднего слоя 5%. Эксперты считают такие показатели серьезно завышенными, что может быть связано с неопределенностью критериев оценки среднего класса в России и некоторым смещением понятий, определений и самоидентификации. Особенно это заметно в рамках сопоставимых

международных сравнений и определений Всемирного Банка, по расчётам которого среднемесячный доход представителя среднего класса начинается с \$3500.¹⁰

Заключение

Используя различные подходы, исследователи пытаются получить наиболее полную картину социальной и стратификационной модели трансформирующегося российского общества. Современная наука располагает внушительным арсеналом концепций социальной мобильности. При этом основная проблема заключается в необходимости из множества имеющихся теорий выбрать то, что в наибольшей степени пригодно для анализа современной российской ситуации, с ее противоречиями и социальными конфликтами. Здесь мобильность, вне зависимости от ее направления, увеличивает пропасть между разными социальными группами и способствует обострению социальных отношений.

Анализ факторов институционализации социально-экономической

9 Россияне относят себя к среднему слою общества // Левада-Центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.levada.ru/23-01-2012/rossiyane-otnosyat-sebya-k-srednemu-sloyu-obshchestva

10 Средний класс в России – это над чертой бедности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rb.ru/article/sredniy-klass-v-rossii-eto-nad-chertoy-bednosti/6805177.html

мобильности населения позволяет сделать вывод о необходимости всестороннего изучения современных процессов трансформации социаль-

ной структуры общества, учитывая особенности происходящих процессов в социально-экономическом пространстве России.

Библиография

1. Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Социальная структура общества: в поисках адекватных ответов // СоцИС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.isras.ru/socis_2008_7.html
2. Горшков М.К. Общественное мнение: История и современность. – М.: Политиздат, 1988. – 383 с.
3. Левада Ю.А. Элита и «масса» в общественном мнении: проблема социальной элиты // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. Информационный бюллетень. – 1994. – № 6. – С. 7-11.
4. Левада-Центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.levada.ru
5. Левашов В.К. Гражданское общество в современной России (социологические измерения). – М.: ИСПИ РАН, 2006. – 52 с.
6. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация: Учеб. пособие. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 318 с.
7. Россияне относят себя к среднему слою общества // Левада-Центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.levada.ru/23-01-2012/rossiyane-otnosyat-sebya-k-srednemu-sloyu-obshchestva
8. Сорокин П.А. Социальная мобильность / пер. с англ. М.В. Соколовой. – М.: Academia, LVS, 2005. – 588 с.
9. Средний класс в России – это над чертой бедности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rb.ru/article/sredniy-klass-v-rossii-eto-nad-chertoy-bednosti/6805177.html
10. Фролов С.С. Общая социология: Учебник. – М.: Проспект, 2011. – 384 с.
11. Шубкин В.Н. Властвующие элиты Сибири // Социологический журнал. – 1995. – № 1. – С. 147-155.

UDC 330.1

Institutionalization factors of social and economic mobility of Russian population

Melan'ina Mariya Vyacheslavovna

PhD (Economics),

associate professor of the department of political economy,

Peoples' Friendship University of Russia,

P.O. Box 117198, Miklukho-Maklaya str., No. 6, Moscow, Russia;

e-mail: mari-cher@yandex.ru

Abstract

Modern developments in the Russian socio-economic space has exacerbated the contradictions of the process of market institutionalization of population social mobility, which had a negative impact on regional labor markets and associated processes of social mobility for the human potential of different levels of education and training. To determine the mechanisms that contribute to the balanced development of the society, it is necessary to study the institutionalization factors of social mobility, which are determined by the types and channels of social mobility, as well as the perception of these factors in the public consciousness as driving incentives and motives for the change of the status position of the individual. The article presents the dynamics analysis of the stratified structure of society, the intensity of the processes of social mobility and its institutionalization in Russian pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet studies, which clearly show the influence of economic and political transformation. Also the role of public opinion in the process of institutionalization of social mobility shall be regarded. Found that factors of social mobility, reflected in public opinion, form a complex analytical indicator of social self-identity, which shows an abrupt picture of the dynamics in its various dimensions in the cognitive, affective and conative aspects. As a result, the analysis of the institutionalization factors of

social and economic mobility of the population suggests the need for a comprehensive study of the transformation of social structure of the Russian society, taking into account the current socio-economic situation.

Keywords

Economic transformation, economic development, social and economic mobility, vertical mobility, institutionalization, middle class.

Introduction

Transformational processes in Russian economy resulted in significant consequences of social structure and escalated the inconsistency of market institutionalization in terms of population's social mobility. This tendency manifested itself in following aspects: on the one hand the demand on qualified labor force rose in local-territorial economic "point of growth", and on the other hand the number of factors increased which strengthen uncertainty of prospects associated with professional and social status of workers in general. Hence the negative tendencies increased in Russian social-economic environment, in regional labor markets and in framework of social mobility processes associated with them, being distinct in educational grade and qualification of state's human potential.

Therefore the factors of social mobility institutionalization should be

studied to specify mechanisms for more balanced social development.

Factors of people's social mobility institutionalization process in modern conditions are defined: firstly, by social mobility types; secondly, by social mobility channels; thirdly, by appreciation of these factors in public consciousness as moving stimuli and motives of individual status change.

Role of social mobility types and channels

Sorokin P.A. distinguished and described the types of social mobility in his work "Social mobility"¹:

1. Horizontal social mobility is a moving of individual (or group) within one social layer without social status be-

1 Sorokin, P.A., Sokolova, M.V. (2005), *Social mobility [Sotsial'naya mobil'nost']*, Academia, LVS, Moscow, 588 p.

ing change. For example, change of occupation, place of residence etc.

2. Vertical social mobility is a moving of individual (or group) within stratified structure without social status being change. Depending on moving direction there are ascending and descending stream.

Ascending social mobility is the most interesting one followed by social status growth, in other words promotion within stratified structure of society due to social mobility channels. Under the latter one should understand social institutes which influence individuals and whole groups in ascending (to the corresponding extent) the social ladder². They are: family, education, economic and political organizations, military, church. Their activity is not isolated but combined with each other. Certainly the intensity and way of social mobility channels' functioning are the main indicators of "social" health.

Availability of social mobility channels depends not only on individual but on the society structure he lives in. Modern societies give their members a possibility to easily climb the carrier ladder depending on individual abilities.

Though there are certain social groups with difficult access due to their closeness and obstacles made on the way of other social groups' representatives. Ways of achieving the higher status may be closed due to ethnic or social and class discrimination as well, or due to individual's personal peculiarities making his talents difficult to use.

The quickest and the most available social mobility channel is education which enables individuals to get high-paid job and to ascend the carrier ladder quickly (under other favorable conditions), with the ascending being obligatory to move every scale of social hierarchy.

A lot of works by national and foreign scientist are devoted to study of dynamics and intensity typical of people's social mobility processes. These works studied wide circle of demographical, social and economic problems, political relationships, and development of different economical forms.

Class structure and social stratification analysis in Russian pre-revolutionary, soviet and post-soviet researches is interesting because of few aspects.

The problem of classes and social stratification are the most interesting ones in pre-revolutionary Russia from the end of 60s of XIX century and to

2 Frolov, S.S. (2011), *General Sociology: textbook* [*Obshchaya sotsiologiya: Uchebnik*], Prospekt, Moscow, 384 p.

1917 due to the risen influence of social democrats, Marxists, as it was the Marx theory to describe the class struggle as moving power in history. In debates with representatives of the Marx theory the other directions were noticed taking into account problems of working class due to rural community collapse in times of Stolypin reforms.

In first years of soviet government the fair study of social structure and class stratification became practically impossible because of heated ideological conflicts which later resulted in repressions under slogan of "class struggle escalation in building of socialism", and sociology was called "bourgeois science".

In 1960s (during the period of the "Krushchev Thaw") attempts are made to resume studies in these fields, but the tough ideological control dictated the distinct social structure of soviet society, where there were two classes (workers and peasants) and intellectual layer. Later this paradigm began to widen as results of empiric studies were not covered by the frameworks given³.

3 Golenkova, Z.T., Igitkhanyan, E.D., "Social structure of society: in the search for adequate responses" ["Sotsial'naya struktura obshchestva: v poiskakh adekvatnykh otvetov"], *SotsIS*, available at: www.isras.ru/socis_2008_7.html

Neutral study of social stratification without ideological tension began in period of "glasnost" and "perestroika" in the end of 80s – the beginning of 90s XX. But later market reforms initiated a wide range of specific problems in Russia, with the necessity of extending and adapting classical theories having been raised to explain the processes in question.

Dramatic changes in economy, new forms of ownership unavoidably resulted in changes of social structure as well. Social form of all social institutes – economic, political, cultural institutes, ownership and power changed. The great social turnover took place, with the social foundations and regulators to shape social structure having been transformed. New layers and social and structural establishments appeared: entrepreneurs, managers, farmers, hired workers, unemployed etc. The problems of social and wealth inequalities with features of class contradictions and conflicts became of the primal importance. The issue rose to find a theory which would properly explain the ongoing transformation of Russian social structure.

Since the end of 90s of previous century many researches began focusing on criteria of authorities in frames of social stratification, as it had a special

impact in Russia⁴. One who had power had an access to privileges, wealth and prestige. The interest also rose in study of Russian society's elite (V. Shubkin, Y. Levada)⁵. Today Levada-Centre studies actively the public opinion in these directions and within a wide circle of related issues⁶.

Role of public opinion

Factors of social and economical mobility are institutionalized not only through traditional channels of individual's movement in society (education, military, authorities etc.), but they also get a foothold in priority of some factor in public consciousness, being reflected in public opinion in turn. Public

opinion is a combination of many individual opinions on specific question. It expresses not the combination of ideas, opinions, feelings, but either their risen importance due to their updating and domination in public life⁷.

Public opinion is a value judgment, unities of knowledge and judgment on issues vital for economic subject. Practically each public judgment of actions is an unconscious process, less accurate and has a poor structure, being influenced by emotions. Multi-attributive features of social mobility factors show that the individuals' attitude to social mobility consists of three components:

- cognitive (awareness of the factors and social mobility channels);
- affective (feelings and emotional reactions of individuals on their social status changes etc.);
- conative (behavior intentions determined by values of individuals' group on different decisions taken by representatives of different target individuals' groups; disposition to react in certain way on company and everything connected with it).

Therefore social mobility factors after being reflected in public opinion es-

4 Radaev, V.V., Shkaratan, O.I. (1996), *Social stratification: study guide* [*Sotsial'naya stratifikatsiya: Ucheb. posobie*], Aspekt Press, Moscow, 318 p.

5 Shubkin, V.N. (1995), "Clubbish set of Siberia" ["Vlastvuyushchie elity Sibiri"], *Sotsiologicheskii zhurnal*, No. 1, pp. 147-155; Levada, Yu.A. (1994), "The elite and the "mass" in public opinion: the problem of Social elite" ["Elita i "massa" v obshchestvennom mnenii: problema sotsial'noi elity"], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. Informatsionnyi byulleten'*, No. 6, pp. 7-11.

6 *Levada-Tsentr*, available at: www.levada.ru

7 Gorshkov, M.K. (1988), *Public opinion: Past and Present* [*Obshchestvennoe mnenie: Istoriya i sovremennost'*], Politizdat, Moscow, 383 p.

establish a comprehensive analytical indicator of social self-identification which shows sinuous dynamics in its different dimensions in frameworks of cognitive, affective and conative aspects. So, social self-identification of Russians was studied in terms of main mobility factors (such as education, profession, qualification, necessary contacts, job, rate of wages, political authority etc.) in 2002-2006⁸. Results showed the increase of respondents' self-identification in frameworks of education, necessary contacts and jobs, income levels and rate of wages. The value of respondents' self-identification decreased in terms of profession, qualification, political factor. One should notice that there is a certain regulatory in this divide shown by the rise of self-esteem associated with education factor on the one hand and the decrease of self-esteem connected with competitive parts of social mobility factors. In general value of all factors in public opinion slightly increased showing grown but insufficient valuation of social mobility in Russians' public opinion. Overall one may argue that Russian mostly trust to non-formal factors of social mobility than

formal. It shows the insufficient level of population's adaptation to changing environment and choice of corresponding directions and factors of social mobility in civil society.

As far as the self-identification of Russian on their belonging to a certain layer is concerned, according to the results of the Levada-Centre's study⁹ published in January 2012 the majority of Russians relate themselves to the middle-class (in spite of the low income), among them: to the lower part of middle class layer 33 %, to the middle part of middle class layer 47 %, and to the higher part of middle class layer 5 %. Experts consider these indicators to be seriously overestimated. It may be connected with the uncertainty of criteria to evaluate the middle class in Russia, as well as with a shift of concepts, definitions and self-identification. It is especially noticeable in frames of comparable international comparisons and definitions given by The World Bank, according to which average monthly income of middle class representative starts from \$3500.¹⁰

8 Levashov, V.K. (2006), *Civil Society in Contemporary Russia (sociological dimension)* [*Grazhdanskoe obshchestvo v sovremennoi Rossii (sotsiologicheskie izmereniya)*], ISPI RAN, Moscow, 52 p.

9 "Russians identify themselves as a middle class society" ["Rossiyane otnosyat sebya k srednemu sloyu obshchestva"], *Levada-Tsentr*, available at: www.levada.ru/23-01-2012/rossiyane-otnosyat-sebya-k-srednemu-sloyu-obshchestva

10 "Middle class in Russia – above the poverty line" ["Srednii klass v Rossii – eto

Conclusion

Using different approaches, researchers try to get the full landscape of social and stratified model associated with transforming Russian society. Modern science has a wide range of social mobility concepts. At the same time the main issue is the necessity to choose from these theories the one being mostly usable for the modern Russian situation analysis with its contradictions and social conflicts. This time regardless of its direction the mobility increases gap between two different social groups and contributes to the social relationships escalation.

Analyzing factors of populations' social and economic mobility institutionalization leads to the necessity of comprehensive study for modern transformation processes in terms of social structure; the peculiarities of modern processes in Russia social and economic environment should be also taken into account.

References

1. Frolov, S.S. (2011), *General Sociology: textbook* [*Obshchaya sotsiologiya: Uchebnik*], Prospekt, Moscow, 384 p.
2. Golenkova, Z.T., Igitkhanyan, E.D., "Social structure of society: in the search for adequate responses" ["Sotsial'naya struktura obshchestva: v poiskakh adekvatnykh otvetov"], *SotsIS*, available at: www.isras.ru/socis_2008_7.html
3. Gorshkov, M.K. (1988), *Public opinion: Past and Present* [*Obshchestvennoe mnenie: Istoriya i sovremennost'*], Politizdat, Moscow, 383 p.
4. Levada, Yu.A. (1994), "The elite and the "mass" in public opinion: the problem of Social elite" ["Elita i "massa" v obshchestvennom mnenii: problema cotsial'noi elity"], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremenny. Informatsionnyi byulleten'*, No. 6, pp. 7-11.
5. *Levada-Tsentr*, available at: www.levada.ru
6. Levashov, V.K. (2006), *Civil Society in Contemporary Russia (sociological dimension)* [*Grazhdanskoe obshchestvo v sovremennoi Rossii (sotsiologicheskie izmereniya)*], ISPI RAN, Moscow, 52 p.
7. "Middle class in Russia – above the poverty line" ["Srednii klass v Rossii – eto nad chertoj bednosti"], available at: www.rb.ru/article/sredniy-klass-v-rossii-eto-nad-chertoy-bednosti/6805177.html

- available at: www.rb.ru/article/sredniy-klass-v-rossii-eto-nad-chertoy-bednosti/6805177.html
8. Radaev, V.V., Shkaratan, O.I. (1996), *Social stratification: study guide* [*Sotsial'naya stratifikatsiya: Ucheb. posobie*], Aspekt Press, Moscow, 318 p.
9. "Russians identify themselves as a middle class society" ["Rossiyane otnosyat sebya k srednemu sloyu obshchestva"], *Levada-Tsentr*, available at: www.levada.ru/23-01-2012/rossiyane-otnosyat-sebya-k-srednemu-sloyu-obshchestva
10. Shubkin, V.N. (1995), "Clubbish set of Siberia" ["Vlastvuyushchie elity Sibiri"], *Sotsiologicheskii zhurnal*, No. 1, pp. 147-155.
11. Sorokin, P.A., Sokolova, M.V. (2005), *Social mobility* [*Sotsial'naya mobil'nost'*], Academia, LVS, Moscow, 588 p.